
УДК: 811.511.25 + 81'367.332.2 + 81'367.623
DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-59-72

Предикативные формы прилагательных в ненецких предложениях качественной характеристики

Н. Б. Кошкарева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Ненецкие прилагательные и существительные в позиции сказуемого присоединяют лично-предикативные и временные аффиксы непосредственно, без связи. Парадигма именного сказуемого в предложениях характеристики включает не только синтетические лично-числовые и темпоральные формы, но также и аналитические конструкции, в которых имя прилагательное сочетается со вспомогательными бытийными глаголами *уэсь* 'быть' и *нись* 'не быть' для выражения отрицания, модальных и аспектуальных значений. Парадигма именного сказуемого представлена двумя подсистемами: значения персональности и темпоральности выражаются синтетически, тогда как модальные и аспектуальные значения – аналитически. Ненецкое прилагательное характеризуется как переходная часть речи, совмещающая именные и глагольные признаки: как типичное прилагательное, оно выполняет атрибутивную функцию при существительном, возможность оформления глагольными аффиксами в предикативной позиции, образование отрицательной конструкции по глагольному типу свидетельствует о том, что ненецкому прилагательному присущи некоторые признаки «глагольности». Однако в статье предлагается синтаксическая, а не морфологическая трактовка этого явления и утверждается, что лично-предикативное и темпоральное оформление принадлежит не слову как части речи, а синтаксической позиции сказуемого, поэтому типологическая интерпретация подобных явлений может сместиться в плоскость характеристики возможностей выражения синтаксических отношений: глагольные признаки приобретает не прилагательное как часть, а синтаксическая позиция именного сказуемого получает либо синтаксическое, либо аналитическое выражение.

Ключевые слова

ненецкий язык, предложения характеристики, прилагательное, предикативные формы, переходность частей речи

Благодарности

Автор выражает сердечную благодарность всем знатокам ненецкого языка за искреннюю заинтересованность и готовность поделиться опытом и знаниями.

Для цитирования

Кошкарева Н. Б. Предикативные формы прилагательных в ненецких предложениях качественной характеристики // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 59–72. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-59-72

© Н. Б. Кошкарева, 2022

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 1 (iss. 43)

Predicative forms of adjectives in nenets sentences of qualitative characterization

N. B. Koshkareva

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Nenets adjectives and nouns in the position of the predicate take personal and tense affixes without a copula. The nominal predicate paradigm in sentences with semantics of characterization includes not only synthetic personal and tense forms, but also analytical constructions in which the adjective is combined with an auxiliary existential verb to express negation, modal and aspectual meanings. The nominal predicate paradigm is represented by two subsystems: the meanings of personality and temporality are expressed synthetically, while modal and aspectual meanings are expressed analytically, the corresponding affixes are attached to the auxiliary verb *hes* 'to be'. Personal and temporal forms do not belong to the word as a part of speech, but to the syntactic position of the predicate. Nenets adjectives show signs of transitivity, as they can take verbal affixes.

Keywords

Nenets language, characterization sentences, adjective, predicative forms, the phenomenon of transitivity of parts of speech

Acknowledgements

The author expresses her heartfelt gratitude to all experts in the Nenets language for their sincere interest and willingness to share their experience and knowledge.

For citation

Koshkareva N. B. Predikativnye formy prilagatel'nyh v neneckih predlozheniyah kachestvennoj harakterizacii [Predicative forms of adjectives in Nenets sentences of qualitative characterization]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 59–72. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-59-72

Введение

Одной из известных и важных в типологическом отношении особенностей ненецкого языка является возможность присоединения лично-предикативных и временных показателей непосредственно к имени существительному или прилагательному в позиции сказуемого, без участия связки. Это явление отмечается практически во всех грамматических описаниях ненецкого языка [Castrén, 1854; Прокофьев, 1937; Терещенко, 1947, 1973; Hajdú, 1963; Salminen, 1993, 1997, 1998 b; Буркова, 2010; Nikolaeva, 2014].

Целью данной статьи является характеристика ненецкого прилагательного в типологической перспективе как переходной части речи, совмещающей признаки прилагательного и глагола и на школе переходности частей речи располагающейся между полюсом «прилагательности» и «глагольности». Синтаксическая парадигма именных предложений со сказуемым – прилагательным отражает не только возможности морфологического изменения самого прилагательного, но и охватывает варьирование синтаксической позиции сказуемого в целом, в состав которой может входить также бытийный глагол, принимающий на себя модальные и аспектуальные показатели. Тем самым в статье постулируется, что лично-предикативное оформление принадлежит не слову как части речи, а синтаксической позиции.

Н. М. Терещенко перечисляет следующие формальные признаки, позволяющие отграничить прилагательные от других частей речи: употребление в атрибутивной функции, согласование с определяемым словом в числе, образование особой формы отрицания при помощи причастия вспомогательного отрицательного глагола *нись* 'не быть', редкое употребление в лично-притяжательных формах, ограниченная возможность изменения по падежам, в частности, невозможность принимать форму родительного падежа в функции приименного определения [Терещенко, 1956, с. 157 и далее; 1965, с. 885].

Однако статус прилагательного в ненецком языке остается дискуссионным. Некоторые ученые ставят под сомнение возможность выделения прилагательного как самостоятельной части речи на

основе специфики его употребления как в приименной атрибутивной функции, так и в предикативной позиции. Такие грамматические признаки прилагательного, как согласование с определяемым существительным, в ненецком языке ограничены категорией числа, при этом согласование по числу встречается редко и нерегулярно. Поэтому в рамках «грамматики словоформы» на первый план выдвигается атрибутивная функция, т. е. доминирует синтаксический подход [Володин, 2004; Шитц, 2012].

С другой стороны, в позиции сказуемого ненецкое прилагательное принимает лично-числовые и временные аффиксы без посредства связки, что ставит вопрос о разграничении прилагательного и глагола. Тем не менее Г. Н. Прокофьев считает, что совпадение некоторых именных и глагольных форм не препятствует их противопоставлению: «в целом ряде отношений между именем и глаголом ненецкого языка может быть проведена вполне четкая граница; так, например, именная основа, будучи использована в качестве глагола, никогда не образует ни видовых основ глагола, ни форм склонения; в свою очередь, глагольная основа не может склоняться, не будучи превращена (с помощью того или иного словообразующего суффикса) в именную основу» [Прокофьев, 1937, с. 16–17].

Дополнительным критерием определения прилагательного как особой части речи является разная стратегия оформления именных и глагольных основ лично-предикативными аффиксами, на что указывает Т. Салминен: к именным основам они присоединяются непосредственно, тогда как глагольные основы подвергаются определенным морфонологическим видоизменениям: «...predicative forms are not simply nouns transferred to verbs but they remain morphologically distinct» [Salminen, 1997, с. 93].

С одной стороны, ненецкое прилагательное в атрибутивной функции остается практически всегда неизменяемым (отдельные нерегулярные примеры согласования по числу и падежу относятся к периферийным явлениям) и грамматически ведет себя так же, как глагольный атрибут – обстоятельство, т. е. не обладает специфическими для именного атрибута грамматическими категориями. С другой стороны, в позиции сказуемого оно получает глагольные признаки. И тем не менее мы считаем возможным выделение в ненецком языке прилагательного как отдельной части речи прежде всего на основе семантики качественной характеристики, комбинации синтаксических функций атрибута и предиката, а также уникального для данной части речи набора словообразовательных аффиксов. Наличие ряда специфических признаков у ненецких прилагательных ставит вопрос о типологии частей речи в языках разных систем, которые описываются не как система оппозиций, а как шкала переходности, на которой ненецкое прилагательное располагается между полюсами «имя» и «глагол».

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили полевые материалы автора, собранные в разные годы в местах проживания лесных (пп. Варьёган, Нумто Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, н.п. Тарко-Сале, Харампур, стойбище Военто Ямало-Ненецкого автономного округа) и тундровых (ямальских и гыданских) ненцев. Многие из них впоследствии были опубликованы [Кошкарёва, Буркова, Шилова, 2003; Буркова, 2003; Турутина, 2003; Буркова, 2004; Кошкарёва, 2005; Диалектологический словарь, 2010; Сказки Татвы, 2016; Фольклор, 2018; Фольклор, 2020]. Мы не даем ссылки на опубликованные материалы, так как в ряде случаев в публикации они сопровождаются литературным переводом, а в данной работе приводится перевод, максимально точно отражающий грамматическую природу высказывания. Часто в процессе расшифровки текстов на базе оригинального высказывания строилась его парадигма или вносились те или иные изменения – лексические или грамматические, обычные для элицитации, поэтому опубликованные примеры в текстах фольклорных произведений могут несколько отличаться от приводимых в данной статье, несмотря на их очевидное сходство. В примерах на тундровом ненецком языке соблюдаются нормы действующей орфографии, для лесного (нешанского) языка отражаются особенности произношения одних и тех же слов в разных говорах (например, пуровск. *дяля* / аганск. *тяля* / нумтовск. *яля* ‘день’, стяженные формы, отсутствие гортанных смычных в ряде позиций в отдельных говорах и т. п.), поскольку орфографические нормы еще не утвердились окончательно, а произвольная унификация написания может привести к утрате значимых для территориальных разновидностей различительных черт.

Результаты и обсуждение

Предикативные прилагательные в ненецком языке употребляются в двух типах предложений – качественной характеристики и состояния, границу между которыми не всегда удастся провести однозначно. Характеризация трактуется обычно как признак, постоянно присущий субъекту, а состояние предполагает ограничение во времени.

Предложения качественной характеристики – это класс именных конструкций, в которых конкретному предмету или событию приписывается единичный постоянный признак, например: лесн. аганск. *Пы'т ытялы" ламту* 'Брат твой низенький'; тундр. ямальск. *Тэтанди' пэнада ханой, [уаха"на хаясь]* 'Постель вашего хозяина холодная, [он давно ушел]';

Субъектом характеристики может быть:

– лицо, выраженное именем существительным или местоимением или не названное в высказывании, если на него указывает ближайший контекст: лесн. аганск. *Нюнт ню уа'лмай* 'Твоя внучка большой стала, оказывается'; тундр. ямальск. *Халцокэй уэвы* '[Он] оказался проворным'; тундр. антипаютинск. *Тадахав уарка Тэта Вэра лыбкуй уэвы* 'Старший Вэра оказался сговорчивым'; тундр. приуральск. *Няхар" нинеками, няхар" Хэнокоми мал' несавэй"* 'Трое моих братьев, трое моих Хэно уже все женаты';

– представитель флоры и фауны: лесн. аганск. *Чики калэ" кала"* 'Эти лиственницы кривые'; тундр. приуральск. *Харвар мэ' уэвы, [ханзеркарт' мэита янгу]* 'Лиственница-то была крепкая, [никак нельзя ее сломать]'; лесн. аганск. *Пы'та ка'птхатюта чахалиу нэхэ"уахан* 'Его два быка очень сильные';

– натурфакты: тундр. сеяхинск. *Хасарё сё ёря уэвы* 'Протока, оказывается, глубокая'; тундр. сеяхинск. *Яха и' сермада нум"лаха* 'Вода в реке голубая' (букв.: как небо); тундр. сеяхинск. *Яха' марада таб* 'Дно у реки песчаное'; лесн. аганск. *Чахи пай чахалиу уа'лка* 'Тот камень очень большой'; тундр. антипаютинск. *Тюку тудакко уабтасавэй* 'Этот гриб ядовитый';

– артефакты: лесн. аганск. *Чики кансо" уа'лка уэмай* 'Этот слопец большим был, оказывается'; тундр. ямальск. *Нынами савахав уэвы* 'Мой лук-то, оказывается, неплохой'; тундр. сеяхинск. *Янамбовна! Лата ний салт. [Мань тандая халтавась]* 'Осторожно! Пол скользкий. [Я его только что помыла]';

– обозначения природных явлений: лесн. аганск. *Чен нумта тюпажахи* 'Вчера погода, кажется, теплой была'; тундр. приуральск. *Сырада салмуй* '[Вокруг чума] снег не тронут' (букв.: снег его ровный);

– события: тундр. ямальск. *Ня' терта савась* 'Разговор (букв.: рот-GEN содержимое-POSS 'содержимое рта') был хорошим';

– абстрактные понятия: лесн. аганск. *Тайна вы' няна чики понта ла'к, вы няну пейлата* 'Там на стороне тундры расстояние маленькое, сторона тундры'; и др.

Позицию сказуемого занимают прилагательные, характеризующие субъект с разных сторон:

– физические качества и свойства живых и неживых предметов: тундр. ямальск. *Тики намдёдами, сидя намдёдами уаркаркаха' уэвэхэ'* 'Вот эти двое (букв.: два моих) сидящих оказались крупноватыми'; лесн. аганск. *Ванта, кама ши"ти" тежеласанав, ман" пон ха"уаташи"* 'Ванта, разве ты меня не знаешь, я ведь всегда был сильным'; тундр. сеяхинск. *Неро нынеуацянда манэцэ пяда – мал еся нын уэвы, сидя еся мунацянда – мал еся мунаха' уэвэхэ'* 'Начал он ивовый лук рассматривать: оказывается, лук железный, две ивовые стрелы тоже железные';

– возраст: лесн. аганск. *Мань нючат, [уупухуна тамна мэнат]* 'Я был маленький, [в люльке еще лежал]';

– черты характера: лесн. аганск. [*Няймаа" вайма шелу-утеч татянэмти"*,] *мадохон наймэхен* '[К сожалению, у них было одно плохое свойство:] они были жадными';

– социальный статус: тундр. приуральск. [*Хэваханандо' сидя маңгабада Мандо илевэхэ'.*] *Нули" маңгабавэхэ'* '[Возле них жили два бедных энца. Они] были совсем бедными';

– субъективного восприятия и оценки: лесн. аганск. *Тилвсамаа" ваймаш* 'Жизнь ведь наша ведь плохой была'; *Пы'т калад чахалиу хомаш* 'Твой нож был очень хороший'.

Кроме того, прилагательные могут обозначать состояние субъекта: лесн. аганск. [*Нон ха'тато" витятта тя'ка" няуай, тат тэхэтёта тяукахаля",*] *капэхеу уамэхеу* 'Один из сильных начал развязывать свою веревку, шевельнул своих оленей хореем, они] оказались мертвыми'.

Частотность подобных примеров в естественных текстах не очень высока, поскольку необходимость описывать известные предметы в повседневном общении возникает редко. Как правило, характеристика требуется тогда, когда субъект обладает яркими отличительными чертами или они оказываются неожиданными для говорящего. Поэтому предложения качественной характеристики часто появляются в контрастных контекстах или сообщают о вновь выявленных свойствах, не известных ранее, с чем связана типичная для них эвиденциальная семантика.

Во многих языках значения характеристики и состояния выражаются разными типами конструкций: характеристика – именным предложением, состояние – глагольным, но возможны и разного рода пересечения. Способность ненецкого прилагательного принимать глагольные аффиксы подчеркивает «процессуальный» характер обозначаемого признака, значение характеристики и состояния оформляется в ненецком языке одним и тем же типом конструкций.

Присоединение лично-предикативных показателей к существительным и прилагательным в позиции сказуемого отмечается еще в самодийской грамматике М. А. Кастрена: предикативные именные формы могут как склоняться, так и спрягаться, при этом суффиксы имен и глаголов не различаются, к именной основе могут присоединяться также и показатели времени: *sawam* 'я хороший'; *sawams* 'я был хорошим'; *sawamgum* 'я буду хорошим' [Castrén, 1854, с. 106].

Г. Н. Прокофьев подразделяет синтаксические формы имени на падежные и предикативные [Прокофьев, 1937, с. 23], последние принимают «суффиксы непереходящего глагола», ср.: *рьдар џиџан* 'ты маленький', *рьдар џиџанас* 'ты был маленький'; ср. *рьдар тон* 'ты пришел', *рьдар тонас* 'ты пришел в прошлом' [Там же, с. 16].

Личные показатели, оформляющие именную основу, для настоящего и прошедшего времени приведены в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

**Личные показатели для настоящего и прошедшего времени,
служащие оформителями именной основы, выступающей в предложении
в качестве сказуемого [Прокофьев, 1937, с. 34]
Nominal personal affixes for present and past tense [Prokofiev, 1937, p. 34]**

Время	Лицо	I склонение			II склонение		
		Ед.	Дв.	Мн.	Ед.	Дв.	Мн.
Аорист	1	-m (dm)	-niŋ	-waŋ	-dm	-niŋ	-maŋ
	2	-n	-diŋ	-daŋ	-d	-diŋ	-daŋ
	3	–	-hʔŋ	-ŋ	–	-gŋ	-ŋ
Прош. вр.	1	-mz (-damz)	-ninz	-waç	-damz	-ninz	-maç
	2	-nas	-dinz	-daç	-das	-dinz	-daç
	3	-s	-hʔnz	-ç	-s (z)	-ganz	-ç

Г. Н. Прокофьев приводит примеры предикативных форм прилагательного *џиџа* 'маленький' (1-го кл. I скл.) в прошедшем времени [Там же, с. 34]:

<i>таџ џиџамз</i>	'я был маленький'
<i>рьдар џиџанас</i>	'ты был маленький'
<i>рьда џиџас</i>	'он был маленький'

<i>таһиһ Һидаһинз</i>	‘мы (дв.) были маленькими’
<i>рѣдариһ Һидаһинз</i>	‘вы (дв.) были маленькими’
<i>рѣдиһ Һидаһанз</i>	‘они (дв.) были маленькими’
<i>таһаһ Һидаһаҫ</i>	‘мы (мн.) были маленькими’
<i>рѣдараһ Һидаһаҫ</i>	‘вы (мн.) были маленькими’
<i>рѣдоһ Һидаҫ</i>	‘они (мн.) были маленькими’

Парадигма сказуемых форм имени в «Очерке грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка» Н. М. Терещенко включает II класс основ, который подразделяется на две группы, в отличие от единого «второго склонения» у Г. Н. Прокофьева (см. табл. 2). Различия в субпарадигмах обусловлены типом основы – характером конечного звука.

Таблица 2
Table 2

Личные показатели времён, служащие оформителями именной основы, являющейся в предложении сказуемым [Терещенко, 1947, с. 129]
Temporal personal affixes of the nominal stem in a predicative position
[Tereshchenko, 1947, p. 129]

Время	Лицо	I класс основ			II класс основ					
					1-я группа			2-я группа		
		Ед.	Дв.	Мн.	Ед.	Дв.	Мн.	Ед.	Дв.	Мн.
Неопределенное	1	-м, -дм	-ни’	-ва’	-м, -дм	-ни’	-ма’	-тм	-ни’	-ма’
	2	-н	-ди’	-да’	-н	-ди’	-да’	-т	-ди’	-та’
	3	–	-х-’	-’	–	-г’	-’	–	-к’	-’
Прошедшее	1	-мзъ			-мзъ					
		-манзъ	-нинзъ	-ваць	-манзъ	-нинзъ	-маць	-тамзъ	-нинзъ	-маць
		-дамзъ			-дамзъ					
2	-нась	-динзъ	-даць	-дась	-динзъ	-даць	-тась	-тинзъ	-таць	
	3	-сь	-х-нзъ	-ць	-зъ	-ганзъ	-ць	-ць	-канзъ	-ць

Н. М. Терещенко отмечает, что именная основа, являясь в предложении сказуемым, «оформляется так же, как и глагольная в непереходной форме спряжения, т. е. изменяется по тем же лицам, числам и временам» [Там же, с. 41], и приводит парадигму изменения прилагательного в функции именного сказуемого, сопоставляя с глагольными формами и устанавливая соответствие между ними [Терещенко, 1947, с. 41–42]:

Тикы хасава нгацекеы мякананда сямьянхат нюдя.

тики хасава нгацекеы=∅ мя=кана=нда
 этот мужчина ребенок=∅ чум=LOC/Sg=POSS/3Sg/Sg
 сямьянхат нюдя=∅
 самый маленький=SUBJ/3Sg
 ‘Этот мальчик самый маленький в чуме’.

Та мальнггана нюдякодаць.

та мальнггана нюдя=ко=даць
 в то время маленький=DIM=PAST/SUBJ/2PI
 ‘В то время вы были маленькими.’

Таблица 3
Table 3Спряжение глагольной и именной основ [Терещенко, 1947, с. 129–132]
Conjugation of verbal and nominal stems [Tereshchenko, 1947, p. 129–132]

Время	Число	Лицо	Глагол	Имя
			<i>тось</i> ‘прийти’, ‘приехать’	<i>нюдяко</i> ‘маленький’
Неопределённое	Ед.	1	то- дм	нюдяко- дм
		2	то- н	нюдяко- н
		3	то	нюдяко
	Дв.	1	то- ни’	нюдяко- ни’
		2	то- ди’	нюдяко- ди’
		3	то- нгаха’	нюдяко- хо’
	Мн.	1	то- ва’	нюдяко- ва’
		2	то- да’	нюдяко- да’
		3	то-’	нюдяко-’
Прошедшее	Ед. ч.	1	то- дамзь	нюдяко- дамзь
		2	то- нась	нюдяко- нась
		3	тю- сь	нюдяко- сь
	Дв. ч.	1	то- нинзь	нюдяко- нинзь
		2	то- динзь	нюдяко- динзь
		3	то- нгаханзь	нюдяко- хонзь
	Мн. ч.	1	то- ваць	нюдяко- ваць
		2	то- даць	нюдяко- даць
		3	то- ць	нюдяко- ць

Т. Салминен, однако, подчеркивает отсутствие полного изоморфизма между лично-предикативными парадигмами имен и глаголов [Salminen, 1997, с. 93]: аффиксы двойственного и множественного числа присоединяются к именным основам непосредственно, тогда как глагольные формы требуют определенного видоизменения основы – присоединения форманта =*на*=, ср. формы прилагательного *xangeq* (*ханэ*”(*ə*)) ‘умный’ и глагола *mebyeq-* (*мэбе*”-) ‘быть сильным’, основы которых оканчиваются одинаково – гортанным смычным. В 1-м л. ед. ч. они оформляются показателями $-d^{\circ}m / -t^{\circ}m$, а во 2-м л. ед. ч. $-n / -t^{\circ}$: если лично-числовой показатель присоединяется к именной основе, оканчивающейся на гортанный смычный, используется «глухой» вариант аффикса как результат фонетических процессов на стыке морфем; после глагольного форманта =*на*= используется «звонкий» вариант аффикса:

1Sg	<i>xange=t^{\circ}m</i> умный=SUBJ/1Sg ‘я умный’	<i>mebyeq=nga=d^{\circ}m</i> сильный=VRBLZ=SUBJ/1Sg ‘я сильный’
2Sg	<i>xange=t^{\circ}</i> умный=SUBJ/2Sg ‘ты умный’	<i>mebyeq=nga=n^{\circ}</i> сильный=VRBLZ=SUBJ/2Sg ‘ты сильный’
3Sg	<i>xangeq=\emptyset</i> умный=SUBJ/3Sg ‘он умный’	<i>mebyeq=nga=\emptyset</i> сильный=VRBLZ=SUBJ/3Sg ‘он сильный’

Статус аффикса =*ya*= не вполне ясен: он определяется либо как словоизменительный – показатель времени (при том, что аорист обычно не имеет собственного морфологического показателя), либо как словообразующий, оформляющий глагольную основу, возможно аспектуального типа. Мы обозначили его в глоссах условно как вербализатор (VRBLZ).

М. А. Кастрен отмечает возможность употребления именного сказуемого без вспомогательного глагола в форме будущего времени, например: *sawangum* ‘я буду хорошим’ и *niseŋum* ‘я буду отцом’ [Castrén, 1854, с. 167]. Н. М. Терещенко реконструирует данные формы для тундрового ненецкого языка следующим образом:

sāwangum
 sāwa=ŋgu=m
 хороший=FUT=SUBJ/1Sg
 ‘Я буду хорошим.’

nīsaŋum
 nīsa=ŋgu=m
 отец=FUT=SUBJ/1Sg
 ‘Я буду отцом’ [Терещенко, 1973, с. 167].

Однако для современного состояния тундрового ненецкого языка синтетическое выражение значения будущего времени не характерно: «Имена в роли сказуемого во всех самодийских языках не образуют ни видовых форм, ни форм наклонений, не имеют они и формы будущего времени» [Терещенко, 1973, с. 16]. Форма будущего времени образуется аналитически:

тундр. Мер’ *наркадм’ нэугудм’*. [Терещенко, 1973, с. 159]
 мер’   нарка=дм’   нэ=угу=дм’
 скоро   большой=SUBJ/1Sg   быть=FUT=SUBJ/1Sg
 ‘Скоро я буду большим.’

В нашей картотеке синтетических форм будущего времени предикативного прилагательного не зафиксировано, все примеры содержат аналитические конструкции именного сказуемого: тундр. ямальск. [*Мякы мякана сидя не танянуху.*] *Няби не нарка нэугу, няби ламдикако нэугу* ‘[Внутри чума будут две женщины.] Одна из женщин **будет большая**, другая **будет низенькая**’; тундр. ямальск. [*Наркаюм’ не едам’ пиреугу.*] *намзида ялариндо’ туд” нэугу”* ‘[Большая из женщин сварит обед,] мясо **будет жирное**’.

Отрицательные конструкции образуются аналогично тому, как образуются глагольные отрицательные конструкции [Буркова, 2010, с. 275]: вспомогательный отрицательный глагол *нись* ‘не быть’ принимает временные и лично-числовые показатели субъектного спряжения, вспомогательный бытийный глагол *нэсь* ‘быть’ в составе именного сказуемого оформляется аффиксом коннегativa:

лесн. ненецк. [*Найля четану на’лка” пу’ша” маништу”-э:* «*Талям уамы, метя,*] *уаш-ки кэт ни уэ́т.*
 [*Уамы ватата татя, ненсамана ватамта мэ’ты.*] *Вича вайма ни уэ́т».*

нашки=∅	кэт	ни=∅	нэ́=т
ребенок=NOM/Sg	хитрый	NEG=SUBJ/3Sg	быть=CONNEG
ви=∅=ча	вайма	ни=∅	нэ́=т
ум=NOM/Sg=POSS/3Sg/Sg	плохой	NEG=SUBJ/3Sg	быть=CONNEG

Букв: ребенок хитрым не будет, его ум плохим не будет.

‘[Поэтому сейчас старшие женщины говорят: «Так-то вот, невестка,] ребенок не должен **быть хитрым**. [Какое слово есть, прямо надо говорить.] И мысли у него не должны **быть плохими**.’

Таким образом, прилагательное в позиции сказуемого может принимать показатели лица и числа по типу субъектного спряжения, а также показатели прошедшего времени (в диахронии также, возможно, и будущего времени). Глагольная парадигма в именном сказуемом реализуется не в полном

объеме: аффиксы объектного и рефлексивного спряжения к именному сказуемому не присоединяются по семантическим причинам, так как они типичны для предложений акциональной семантики.

Возможность ненецкого прилагательного в роли сказуемого изменяться по лицам, числам и временам и фактическое отсутствие согласования с определяемым именем в позиции определения ставит вопрос о частеречных признаках данного класса слов. Слова с прототипическими для прилагательных значениями размера, цвета, возраста, оценки, физических свойств предметов, качественных характеристик человека в ненецкой лексикографической традиции часто определяются как глаголы, видимо, в силу того, что в позиции сказуемого они спрягаются. Соответственно, акцент смещается с выражения характеристики как постоянно присущего признака на выражение процессуальности. В перспективе было бы интересно проверить возможности всех лексических единиц характеризующей семантики на предмет особенностей их спряжения, возможности появления глагольного показателя =*на*= между основой и лично-числовым аффиксом, чтобы на основе формальных критериев разграничить близкие по семантике классы слов и решить вопрос о причинах появления этого показателя – семантических или фонетических.

По ряду своих свойств ненецкое «прилагательное» соответствует именным характеристикам: в препозиции к существительному оно выступает в роли определения. В позиции сказуемого оно подобно глаголу, так как принимает показатели лица, числа и времени, однако совпадает с ним не полностью, так как другие типичные глагольные категории, такие как модальность и аспектуальность, выражаются только аналитически. Полную парадигму аналитических форм именного сказуемого мы опишем в отдельной статье, а здесь приведем только один пример, чтобы показать, насколько сложно может быть устроена позиция именного сказуемого. В данном случае в состав сказуемого входят два вспомогательных глагола – отрицательный глагол *нись* ‘не быть’, который принимает грамматические показатели, и бытийный глагол *нэсь* ‘быть’ в форме коннегатива:

Тад нябимдей’ ладбата нани’, нэвами наңадя нивндараха на’. [Буркова, 2010, с. 299]

тад нябимдей лад=ба=та нани’ нэва=ми
затем вторично ударять=COND=3Sg снова голова=NOM/Sg:POSS/1Sg

наңадя ни=внда=раха=∅ на=’
целый NEG=EV=APPROX=SUBJ/3/Sg быть-CONNEX

‘Если он ударит другой раз, кажется, моя голова не будет цела’.

Соответственно, именное сказуемое, в отличие от глагольного, выражает отрицание, аспектуальные и модальные категории аналитически, соответствующие аффиксы присоединяются к вспомогательным глаголам.

Заключение

Парадигма именного сказуемого в ненецком языке включает не только лично-числовые и временные формы, но также и аналитические конструкции, в которых имя прилагательное сочетается со вспомогательными глаголами для выражения отрицания, модальных или аспектуальных значений. Набор глагольных категорий, которые может принимать именное сказуемое, ограничен: возможны аффиксы только субъектного спряжения, регулярны формы прошедшего времени, тогда как формы будущего времени отмечены только в источниках, относящихся к XIX в., в современных текстах для выражения будущего времени используется аналитическая конструкция; при этом аналитическое выражение отрицания соответствует глагольному типу.

На шкале переходности ненецкое прилагательное занимает место, сближающее его с глагольными формами. В типологии используются понятия *NOUNY / VERBY word classes*, а также *nouns* и *nerbs* [Hengeveld, 1992a, Hengeveld 1992b; Wetzer, 1996; Sasse 2001; и др.], которые позволяют признать существование континуума между прототипическими именами и глаголами, в котором ненецкое прилагательное занимает промежуточное положение.

В электронном атласе WALs (<https://wals.info/>) содержится отдельная карта, посвященная грамматическому кодированию предикативных прилагательных [Stassen, 2013]. Всего в выборке представ-

лено 386 языков, из них в 151 наблюдается глагольное кодирование, в 132 – неглагольное кодирование, в 103 – смешанное кодирование. Грубо округляя, разные типы кодирования представлены более или менее равномерно – приблизительно по трети на каждый тип.

Для ненецкого языка показано неглагольное кодирование предикативных прилагательных, при котором грамматическое оформление глагольных и именных сказуемых различается. Ссылка дается на работу [Décsy, 1968], в которой данный вопрос попросту не освещается, а не отрицается возможность глагольного кодирования. Использование источника, в котором содержатся неполные данные, приводит к искажению картины. При этом для юкагирского языка отмечается глагольное кодирование, общность определенных грамматических механизмов в этих языках задает систему ожиданий, в которой и грамматические подсистемы предикативных прилагательных тоже обладали бы чертами сходства, на что указывают как проанализированные работы по ненецкому языку, так и фактический материал: в ненецком языке представлены обе стратегии – и глагольного, и неглагольного кодирования предикативных прилагательных.

При этом отнести ненецкий язык к третьему – смешанному – типу, при котором для предикативных прилагательных возможно и глагольное, и именное кодирование, все-таки нельзя, так как в WALS заявлен только семантический критерий, в соответствии с которым учитывается противопоставление постоянных и непостоянных признаков: если предикативное прилагательное передает постоянный признак (характеризацию), то оно маркируется по именному типу, если оно обозначает состояние, временный или случайный признак – по глагольному.

Для ненецкого в основе противопоставления лежит грамматический признак: глагольный тип маркирования используется для выражения отрицания, персональности и настоящего и прошедшего времени, а именной тип маркирования – при помощи аналитической конструкции – для выражения отрицания, будущего времени, модальности и аспектуальности.

Таким образом, материалы ненецкого языка позволяют уточнить основания типологии, выделить в смешанном типе дополнительный подтип, который связан с грамматическими, а не семантическими признаками конструкции.

Определение частеречной принадлежности ненецких прилагательных как морфологического класса затрудняется их нестандартным поведением в предикативной позиции. На наш взгляд, целесообразнее характеризовать не переходные признаки того или иного морфологического класса слов, а степень грамматикализации синтаксических отношений, т. е. признать, что аффиксами «сказуемости» оформляются не «части речи», а «синтаксические позиции», тогда возможность лично-предикативного и временного оформления будет относиться к характеристике не прилагательного как части речи, а сказуемого как центрального члена предложения, для которого эти значения типичны и обязательны. Тогда типологическую классификацию именных предложений можно строить в зависимости от степени грамматикализации членов предложения, а не частей речи: любая часть речи как лексическая категория может потенциально оказываться в любой синтаксической позиции, при этом ее морфологические свойства либо полностью соответствуют требованиям этой позиции и тогда они выражаются самой этой формой, либо требуют дополнительного – аналитического – маркирования.

Список литературы

Буркова С. И. Лесной диалект ненецкого языка (пуровский говор) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 10. Экспедиционные материалы. Новосибирск, 2003. С. 141–183.

Буркова С. И. Образцы текстов на лесном диалекте ненецкого языка (пуровский говор) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 13. Экспедиционные материалы. Новосибирск, 2004. С. 149–162.

Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа) // Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 179–349.

Вербов Г. Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 3–190.

Володин А. П. Ненецкие «прилагательные» // Вопросы урало-алтайской лингвистики. Санкт-Петербург, 2004. С. 56–61.

Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н. Б. Кошкарёвой. Екатеринбург: Баско, 2010. 350 с.

Кошкарёва Н. Б. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка: Часть первая. Синтаксические связи. Новосибирск, 2005. 334 с.

Кошкарёва Н. Б., Буркова С. И., Шилова В. В. Образцы текстов на лесном диалекте ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 7. Часть 2. Новосибирск, 2003. С. 3–91.

Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов / Под ред. Г. Н. Прокофьева. М., Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937. С. 5–52.

Салминен Т. К вопросу о классификации ненецких диалектов и говоров // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 2A: Summariis dissertationum. Debrecen, 1990. С. 243.

Сказки Татвы: сборник фольклорных произведений на лесном диалекте ненецкого языка / Сост.: Татва и Алла Логаны. Отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Вып. 1. Ханты-Мансийск, 2016. 212 с.

Тереценко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л., 1947. 272 с.

Тереценко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 282 с.

Тереценко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 942 с.

Тереценко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973. 323 с.

Турутина П. Г. "Нешау ванлат, шотпялс": Легенды и сказки лесных ненцев. Новосибирск, 2003. 107 с.

Фольклор ямальских ненцев / Сост. Н. М. Янгасова; отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. СПб.: Историческая иллюстрация, 2018. 223 с.

Фольклор ямальских ненцев. Вып. 2. Фольклор сеяхинских ненцев / Сост. Л. О. Окоэтто; науч. ред. Н. Б. Кошкарёва. Воронеж: ООО «Алекс Принт», 2020. 183 с.

Шутиц О. А. Атрибутивная группировка словоформ качественной семантики в уральских языках: в сравнительно-сопоставительном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 141 с.

Castrén M. A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg, 1854. 631 p.

Déczy G. *Yurak chrestomathy*. Bloomington: Indiana University Press, 1968. 107 p.

Hajdú P. *The Samoyed peoples and languages*. Bloomington: Indiana University, 1963. 113 p.

Hengeveld K. Parts of speech // Layered structure and reference in a functional perspective / M. Fortescue, P. Harder, L. Kristofferson (Eds.). Amsterdam, Benjamins, 1992a, pp. 29–56.

Hengeveld K. Non-verbal predication: Theory, typology, diachrony. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992b.

Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. 511 p.

Salminen T. Phonological criteria in the classification of the Nenets dialects // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum* 3C. Debrecen, 1990. Pp. 344–349.

Salminen T. Word classes in Nenets: (and a few words about their Uralic parallels) // *Festschrift für Raija Bartens, zum 25.10.1993 (MSFOU 215)*. Helsinki, 1993. Pp. 257–264.

Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki, 1997. 155 p.

Salminen T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1998 a. 544 p.

Salminen T. *Nenets // The Uralic languages*. London: Routledge, 1998 b. Pp. 516–547.

Sasse H.-J. Scales between *nouniness* and *verbiness* // *Language typology and language universals. An international handbook* / Ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible. Vol. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001. Pp. 495–509.

Stassen L. Predicative Adjectives // *The World Atlas of Language Structures Online* / Dryer M., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (Available online at <http://wals.info/chapter/118>).

Wetzer H. *The typology of adjectival predication (Empirical approaches to language typology, 17.)* Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 1996. 398 с.

References

- Burkova S. I. Kratkij ocherk grammatiki tundrovogo dialekta neneckogo yazyka (po materialam govorov, rasprostranennyh na territorii Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga) [A brief essay on the grammar of the Tundra dialect of the Nenets language (based on subdialects of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)]. In: *Dialektologicheskij slovar' neneckogo yazyka* / Pod red. N. B. Koshkarevoj. Ekaterinburg: Basko, 2010, pp. 179–349. (In Russ.)
- Burkova S. I. Lesnoj dialekt neneckogo yazyka (purovskij govor) [Forest dialect of the Nenets language (Pur subdialect)]. In: *Yazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2003, iss. 10, pp. 141–183. (In Russ. and Nenets)
- Burkova S. I. Obrazcy tekstov na lesnom dialekte neneckogo yazyka (purovskij govor) [Samples of texts in the Forest dialect of the Nenets language (Pur subdialect)]. In: *Yazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2004, iss. 13, pp. 149–162. (In Russ. and Nenets)
- Castrén M. A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg, 1854. 631 p.
- Décsy G. *Yurak chrestomathy*. Bloomington, Indiana University Press, 1968. 107 p.
- Dialektologicheskij slovar' neneckogo yazyka* [Dialectological dictionary of the Nenets language] / Pod red. N. B. Koshkarevoj. Ekaterinburg: Basko, 2010. 350 p. (In Russ.)
- Fol'klor yamal'skih nencev* [Folklore of the Yamal Nenets] / Sost. N. M. Yangasova; otv. red. N. B. Koshkaryova. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustraciya, 2018. 223 p. (In Russ. and Nenets)
- Fol'klor yamal'skih nencev. Vyp. 2. Fol'klor seyahinskih nencev* [Folklore of the Yamal Nenets. Iss. 2. Folklore of the Seyakha Nenets] / Sost. L. O. Okotetto; nauch. red. N. B. Koshkaryova. Voronezh: OOO «Aleks Print», 2020. 183 p. (In Russ. and Nenets)
- Hajdú P. *The Samoyed peoples and languages*. Bloomington: Indiana University, 1963. 113 p.
- Hengeveld K. Parts of speech. In: Michael Fortescue, Peter Harder & Lars Kristofferson (Eds.), *Layered structure and reference in afunctional perspective*. Amsterdam, Benjamins, 1992a, pp. 29–56.
- Hengeveld K. *Non-verbal predication: Theory, typology, diachrony*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1992b.
- Koshkareva N. B. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta neneckogo yazyka: Part 1. Sintaksicheskie svyazi* [Essays on the syntax of the Forest dialect of the Nenets language. Part 1. Syntactic relations]. Novosibirsk, 2005. 334 p. (In Russ.)
- Koshkareva N. B., Burkova S. I., Shilova V. V. Obrazcy tekstov na lesnom dialekte neneckogo yazyka [Sample texts in the Forest dialect of the Nenets language]. In: *Yazyki korennyh narodov Sibiri*. Novosibirsk, 2003, iss. 7, part 2, pp. 3–91. (In Russ. and Nenets)
- Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2014. 511 p.
- Prokof'ev G. N. Neneckij (yurako-samoedskij) yazyk [Nenets (Yurako-Samoyed) language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Chast' I. Yazyki i pis'mennost' samoedskih i finno-ugorskih narodov* [Languages and writing of the peoples of the North. Part 1. Languages and writing of the Samoyedic and Finno-Ugric peoples] / Pod red. G. N. Prokofeva. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1937, p. 5–52. (In Russ.)
- Salminen T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1998 a. 544 p.
- Salminen T. K voprosu o klassifikacii neneckih dialektov i govorov [To the question of the classification of Nenets dialects and subdialects]. In: *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 2A: Summaria dissertationum*. Debrecen, 1990. P. 243. (In Russ.)
- Salminen T. Nenets. In: *The Uralic languages*. London: Routledge, 1998 b, pp. 516–547.
- Salminen T. Phonological criteria in the classification of the Nenets dialects. In: *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 3C*. Debrecen, 1990, pp. 344–349.
- Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki, 1997, 155 p.
- Salminen T. Word classes in Nenets: (and a few words about their Uralic parallels). In: *Festschrift fur Rai-ja Bartens, zum 25.10.1993 (MSFOu 215)*. Helsinki, 1993, pp. 257–264.

Sasse H.-J. Scales between *nouniness* and *verbiness*. In: *Language typology and language universals. An international handbook* / Ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible. Vol. 1. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2001, pp. 495–509.

Shitc O. A. *Atributivnaya gruppировка slovoform kachestvennoj semantiki v ural'skih yazykah: v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte* [Attributive grouping of word forms of qualitative semantics in the Uralic languages: in a comparative aspect]: Dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2012. 141 s.

Skazki Tatvy: sbornik fol'klornyh proizvedenij na lesnom dialekte neneckogo yazyka [Tatva's tales: a collection of folklore in the Forest dialect of the Nenets language] / Sost.: Tatva i Alla Logany. Otv. red. N. B. Koshkareva. Hanty-Mansijsk, 2016. 212 p. (In Russ. and Nenets)

Stassen L. Predicative Adjectives // *The World Atlas of Language Structures Online* / Dryer M., Haspelmath M. (eds.). Leipzig, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (Available online at <http://wals.info/chapter/118>).

Tereshchenko N. M. *Materialy i issledovaniya po yazyku nencev* [Materials and research on the Nenets language]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1956. 282 p. (In Russ.)

Tereshchenko N. M. *Nenecko-russkij slovar'* [Nenets-Russian Dictionary]. Moscow: Sov. enciklopediya, 1965. 942 p. (In Russ. and Nenets)

Tereshchenko N. M. *Oчерк grammatiki neneckogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Nenets (Yurac-Samoyed) language]. Leningrad, 1947. 272 p. (In Russ.)

Tereshchenko N. M. *Sintaksis samodijskih yazykov* [Syntax of the Samoyedic languages]. Leningrad, Nauka, 1973. 323 p. (In Russ.)

Turutina P. G. *Neshang vanlat, shotpyals'': Legendy i skazki lesnyh nencev* [Legends and Tales of the Forest Nenets]. Novosibirsk, 2003. 107 p. (In Russ. and Nenets)

Verbov G. D. Dialekt lesnyh nencev [Forest Nenets Dialect]. In: *Samodijskij sbornik* [Samoyed collection of scientific papers]. Novosibirsk, 1973, pp. 3–190. (In Russ.)

Volodin A. P. Neneckie «prilagatel'nye» [Nenets «adjectives»]. In: *Voprosy uralo-altajskoj lingvistiki* [Issues of Ural-Altai linguistics]. Sankt-Peterburg, 2004, pp. 56–61. (In Russ.)

Wetzer H. *The typology of adjectival predication* (Empirical approaches to language typology, 17) Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1996, 398 p.

Список условных обозначений

аганск. – аганский говор лесного ненецкого языка; **антипаютинск.** – антипаютинский говор тундрового ненецкого языка; **лесн.** – лесной ненецкий (нешанский) язык; **нумтовск.** – нумтовский говор лесного ненецкого языка; **приур.** – приуральский говор тундрового ненецкого языка; **пуровск.** – пуровский говор лесного ненецкого языка; **сеяхинск.** – сеяхинский говор тундрового ненецкого языка; **тундр.** – тундровый ненецкий язык; **ямальск.** – ямальский говор тундрового ненецкого языка; **ABL** – отложительный падеж; **ACC** – винительный падеж; **AFFR** – утвердительный аффикс; **AP-PROX** – аффикс кажущегося действия; **APR** – аффикс приблизительного количества; **ASS** – уподобительный аффикс; **AUG** – увеличительный аффикс; **COND** – условная форма глагола; **CONJ** – конъюнктив; **CONNEG** – коннегатив; **DAT** – дательный падеж; **DEF** – аффикс неполноты качества; **DEGR** – аффикс степени обладания признаком; **DEST** – предназначительный аффикс; **DIM** – уменьшительный аффикс; **Du** – двойственное число; **DUR** – аффикс длительности действия; **FUT** – будущее время; **GEN** – родительный падеж; **CONV** – неопределенно-деепричастная форма; **НАВ** – аффикс обычного вида действия; **HORT** – побудительное наклонение; **IMP** – повелительное наклонение; **INTRG** – вопросительный аффикс; **LOC** – местно-творительный падеж; **MOM** – аффикс однократного действия; **NEG** – отрицательный глагол; **NOM** – именительный падеж; **obj** – показатель числа объекта; **OBJ** – объектное спряжение; **OBL** – долженствовательное наклонение; **PAST** – прошедшее время; **PI** – множественное число; **POSS** – притяжательный аффикс; **PP** – причастие прошедшего времени; **PRON** – местоимение; **PrP** – причастие неопределенного времени; **PRTCL** – частица; **PROB** – предположительное наклонение; **QUAL** – аффикс качественных отыменных прилагательных со значением обладания признаком, который назван основой; **refl** – показатель субъектно-безобъектного спряжения; **REFL** – лично-числовые аффиксы субъектно-безобъектного спряжения;

Sg – единственное число; **SLCT** – аффикс избирательности; **SUBJ** – субъектное спряжение; **TRANS** – транслатив; **VN_{impf}** – имя процесса действия; **VN_{prf}** – имя прошлого действия; **VN_{Loc}** – имя действия, обозначающее место или время действия.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.05.2022*

Сведения об авторе

Кошкарева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, зав. сектором языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, зав. кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4578-6591

Information about the Author

Natalia B. Koshkareva – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Siberian Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of General and Russian Linguistics of the Humanities Institute of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4578-6591